

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Романтика похоти. Т.3 гл. 3 ч. 1 — миссис Дейл, мать Гарри

Романтика похоти. Т. 3 гл. 3 ч. 1 — миссис Дейл, мать Гарри

По мере того как мы с Гарри становимся более близкими друзьями и наперсниками по части похоти, я часто сворачиваю тему наших бесед на его мать и кузену (на их постельные отношения). И, в конце концов, говорю ему:

— Из твоего описания следует, что твоя мать склонна хорошенько поебаться и что, если бы у меня когда-либо появилась возможность, я бы смог, ебя её, прикрыть твою атаку на кузену. Надо только заставить её считать, будто она сама завладела моей девственностью.

Идея приходится ему по нраву. Он начинает думать, а почему бы и действительно его мать не могла бы стать желанной для меня женщиной, раз я так настойчив в своих домогательствах; да и возможность овладеть страстно желаемой кузиной также побуждает его без оговорок разделить мои соображения.

— В конце семестра у тебя будет день рождения, и твоя мать не посмеет не взять тебя отсюда домой на целый день. И разве ей будет казаться, что её племянница в большей безопасности, если ты, Гарри, попросишь её позволить тебе привести с собой племянника доктора — меня, разумеется, сообщив ей, что мы стали не просто однокашниками, а очень близкими друзьями.

И не забываю напомнить ему:

— Мне предстоит сыграть роль настоящего простофили, абсолютно непорочного мальчика. Но тебе необходимо озаботиться тем, чтобы в какой-то момент в течение дня поставить меня в такое положение, когда бы твоя мать смогла хоть мельком увидеть мой дрекол, и тогда, если и не немедленно, то в будущем путь к успеху мне будет обеспечен.

Его день рождения выпадает на субботу. Нас только просят по истечении дня, вечером непременно возвратиться.

Соответственно, в этот счастливый день мы после завтрака и заявляемся. Я прежде говорил, что его мать обитает в очень симпатичном коттедже, приблизительно в полтора милях от дома нашего пастора. Встречает она нас весьма доброжелательно: сначала нежно обнимает своего сына, желая ему много счастливых лет жизни и заявляя, что он здорово поправился и т. п., а потом поворачивается ко мне и любезно приветствует меня. Племянница оказывается очаровательной девушкой, с только ещё обещающей расцвести женственностью. Она сильно краснеет, приветствуя своего кузена, и робко делает то же самое мне. Мы проводим эти ранние часы в беседе; у матери довольно много вопросов к сыну, с коим она долго не виделась. У меня таким образом есть время хорошенько рассмотреть её. Она выглядит ладно скроенной женщиной с широкими плечами и бёдрами. Лицо её нельзя признать красивым, но его украшают прелестный овал и по настоящему прекрасные глаза, так что описанию её сына следует отдать должное. В их выражении мне уже чудится много подавленной страсти, и я уже начинаю думать, что она действительно станет лакомым кусочком, если только мне с нею удастся столкнуться в рукопашную.

После ланча мы прогуливаемся в саду. Листья уже опали, но день выдаётся для конца ноября погожим и тёплым. Я говорю молодому Дейлу:

— Держись поближе к матери и не выказывай никакого желания отойти подальше с кузиной. Иначе у меня не будет никакого шанса сыграть мою собственную небольшую игру.

И мы идём все вместе, чего я и желаю, её бдительность усыплена, и она начинает уделять мне больше внимания. Я веду себя бесхитростно, словно совершенно невинный юноша, но в то же самое время, размышляя об её очаровании, позволяю своему дреколу приподняться так, чтобы явить его пропорции под брюками. И очень скоро чувствую, что это не остаётся ею незамеченным и что её внимание концентрируется на мне. Она закидывает меня вопросами, и особенно стремится узнать, существует ли специфическая близость между её сыном и мной. Я играю простака и утверждаю:

— Да, да ещё какая!

Но когда она пыталась узнать, занимаемся ли мы тем, что она действительно подразумевает, я придаю этой близости такой невинный характер, что она убеждается в моём полном невежестве насчёт каких-либо эротических склонностей, и в её манере обращения со мной отчётливо замечается стремление понравиться.

С Гарри мы заранее договорились, что после того, как я адресую ему некое специфически фривольное замечание, он с кузиной при первом же случае оказавшись рядом с кустарником, тут же зайдут за него, а встревоженная мама вынуждена будет поспешить за ними. Наша хитрость удаётся. Она тут же ускоряет шаги и как только сворачивает с дорожки, я вытаскиваю свой инструмент, теперь уже полностью стоящий, и размещаюсь таким образом, чтобы, когда она возвратится, то смогла бы узреть всё, что происходит, тогда как я сделаю вид, будто не замечаю её, целиком занятый писанием. И надо же: всё получается, как задумано. До меня доносится её голос, обращённый к сыну и племяннице:

— Остановитесь и подождите меня! Я вернусь к Чарльзу.

Мои глаза специально опущены вниз: мол никого не вижу, и всё же сквозь припущенные веки мне можно разглядеть подол её юбок, когда она появляется на дорожке, а также то, что она внезапно останавливается, должно быть, заметив перед собою мои достоинства. Я же занят тем, что провожу рукой несколько раз назад или вперёд, а закончив писание, преднамеренно встряхиваю свой дрекол и выставляю на всю его длину. И проходит целая минута или две, прежде чем я приступаю к застёгиванию. И всё это время я могу видеть, что она застыла, как вкопанная, там, где и остановилась. Застегнувшись, я наклоняюсь, якобы для того, чтобы завязать мою обувь, а на деле чтобы дать ей время придти в себя и увериться, что я не видел, как она подошла ко мне. И вот, когда я поднимаюсь, то вижу её рядом с собой, с пылающими щеками и огнём в глазах, что свидетельствует: приманка проглочена. Она берёт меня за руку, и я могу чувствовать, как дрожит её рука.

— Бежим вперёд! Нам надо нагнать сына и племянницу.

Её манера обращения со мной становится необыкновенно покоряющей. Она делает такие замечания, словно думает доказать себе, что я не столь уж невинен, как выгляжу, надеясь, что мои ответы будут соответствовать её ожиданиям. Но не на такого напала! И вскоре я пожинаю плоды, заставив её увериться, что она имеет дело с настоящим девственником. Мы продолжаем прогулку, она явно очень озабочена, время от времени затихая на минуту — другую, а затем, мягко сжимая мою руку, делает какое-нибудь лестное замечание, в котором можно было бы заметить нежность, но я, озабоченный тем, чтобы остаться невинным в её глазах, только благодарю за доброе мнение. В этих случаях её глаза специфически искрятся, а лицо алеет. Через некоторое время её рука оставляет мою и опускается на моё противоположное плечо. Получается нечто вроде полуобъятия, причём оно становится всё более и более тёплым, тогда как её беседа — всё более нежной, а похвалы — всё щедрее:

— Да, вижу, мой сын нашёл действительно очаровательного однокашника!

Тут она останавливается и, наполовину повернувшись ко мне, продолжает:

— Я чувствую, что могла бы полюбить вас, как своего собственного сына!

И немного наклонясь, тянется за поцелуем будто бы материнской привязанности. Я закидываю свои руки вокруг её шеи, и наши губы встречаются в длинном и любящем поцелуе — очень тёплом с её стороны, но сугубо простым, хотя и нежным — с моей.

— О! — говорю я, — как же я счастлив буду называть вас своей мамой! Я буду любить вас, как если бы вы ей и были. Как это мило с вашей стороны позволить мне это! Ведь я почти целый семестр живу отдельно от своей матери. Впервые в жизни! И хотя моя дорогая тётя насколько возможно добра ко мне, тем не менее, я не могу назвать её мамой. Впереди Рождество, мой опекун навряд ли позволит мне поехать домой, но теперь у меня будет дорогая, добрая новая мама, и она сделает меня счастливым.

Тут я привстаю на цыпках и протягиваю руки для нового объятия, и мне даётся ещё один, ещё более тёплый поцелуй. Её рука опускается на мою талию, и она с силой прижимает меня к своей груди, неожиданно плотной и даже тугой, насколько можно почувствовать. И мой непослушный член ставит меня в довольно затруднительное положение: ведь моя задача, чтобы она ни в коем случае не подумала, что я воспринимаю её тёплые объятия как нечто иное, чем свидетельство нежной дружбы. Так и получается. И это, конечно, ещё более убеждает её в том, насколько же я невежественен в чувственных желаниях. Поскольку я крепко сжимаю её в своих объятиях, приклеив свои губы к её, она сильно возбуждается, явно дрожит, дыхание становится судорожным, и вдруг отталкивает меня от себя, и, словно, внезапно опомнившись, хватает меня за руку:

— Давайте быстрее догоним сына. Где они? Я их не вижу.

Ещё бы! Как можно с уверенностью предположить, отстала она намеренно, и позволила им исчезнуть из своего поля зрения, пока сама потворствовала своему неподконтрольному желанию пообжиматься со мной. И больше не произносит ни слова, пока мы снова не видим их, достаточно невинно идущих впереди.

После столь возбуждающей прогулки мы возвращаемся к дому. Мама выглядит весьма озабоченной, но в итоге производит впечатление пришедшей к окончательному решению, поскольку велит Эллен пройти к себе в комнату, а обоих мальчиков, как она назвала нас, просит выйти и с часик поразвлечься. Именно во время этого промежутка времени Гарри пересказывает свою интересную беседу со своей кузиной, о чём речь пойдёт ниже.

И то, что я узнал от него о сношениях Эллен с её тетей возбудило моё воображение и укрепило меня в решимости поиметь её. Тем более, что никакого особого случая для этого искать мне, начинаю понимать я, не придётся, ибо всё будет сделано ею самой. И ещё было приятно выслушать признание Гарри:

— Мне жаль, что это не я должен насладиться своей такой сладострастно чувственной матерью.

Ни у одного из нас уже нет сомнения, что она теперь найдёт возможность насладиться мною. А если таковые ещё и имелись, они были решены при возвращении домой.

Миссис Дейл сначала, ради проформы, поцеловав сына, а затем намного более тепло меня, сообщает нам:

— Я написала доктору, что вы оказались такими хорошими мальчиками, что я буду чувствовать себя очень обязанной, если он позволит моему сыну и своему племяннику

остаться со мною вплоть до понедельника. Я также счастлива была сообщить, что о прежнем недостойном поведении моего сына можно забыть, но тем не менее будет лучше, если у него будет гарантия в виде столь интеллектуального и осторожного друга, которого он нашёл в племяннике доктора, и чего я только рада видеть.

Мой дядя, не зная точно, что следует из этого примечания, соглашается. Я же, естественно, разделяю её радость, ибо прекрасно понимаю, что меня ждёт — крушение моей выдуманной девственности. Миссис Дейл, вся сияя от радости, говорит мне:

— Позвольте, я сразу же отведу вас туда, где вам надлежит будет спать.

И я отмечаю, что эта комната в стороне и вряд ли смежна с другими и доступна для посторонних.

— Здесь, мой дорогой сын, — чтобы вы знали на будущее, вам следует всегда называть меня мамой, — надеюсь, всё будет для вас комфортабельным и ничего вас не потревожит, потому что вы находитесь в уединённой части дома. Но в случае, если вам понадобится... В общем, я, прежде чем отправиться в постель, приду взглянуть, удобно ли вам спать.

Тут она целует и тепло обнимает меня.

— Позвольте мне отблагодарить вас, — отвечаю я и возвращаю ей и поцелуи и объятия, наименее образом, но явно невинно.

Она вздыхает, может быть с сожалением, что не может в этот момент пойти далее, а затем уводит меня.

День, обед, и вечер проходят без чего-либо достойного замечания, за исключением того, что миссис Дейл часто выходит, чем-то озабоченная. А так сидит со мной на диване, слушая игру Эллен; её рука ищет мою и часто нежно пожимает её.

Гарри помогает Эллен, что позволяет мне часто поднимать голову и вытягивать губы словно для поцелуя ребяческим способом. Отказа этому я не вижу: она останавливает свой взгляд на моем рту, губы её чувственно полуоткрыты, но ей явно страшно в ответ явить мне бархат своего языка. Её часто бросает в дрожь и трепет, и мне очевидно, что она очень взволнована.

В течение дня у Гарри и меня была возможность обмениваться мыслями. И я говорю ему:

— Убеждён, что твоя мать придёт ко мне этой ночью,. А если это случится, можешь быть уверен, останется у меня до рассвета. Советовал бы тебе понаблюдать за нею, и когда ты увидишь её выходящей из спальни, чтобы направиться ко мне, тогда сможешь проскользнуть в комнату своей кухни и добиться своей цели, но не забудь удалиться при первых лучах света. Если за это время твоя мать захочет оставить меня, я буду удерживать её ещё четверть часа, чтобы ты успел войти в свои права с кухней и возвратиться к себе в комнату. Советую также вот что. Поскольку, я уверен, ты заставишь свою кухню кровоточить, то подложи ей под задницу полотенце, а утром его надо будет убрать, чтобы уничтожить любые следы того, что могло бы соответствующим образом воспринято твоей матерью, А Эллен надо сказать, чтобы она по её возвращении притворилась глубоко спящей и ничего не помнящей, понятия не имеющей, отсутствовала ли та ночью.

Незадолго до десяти часов миссис Дейл заявляет:

— Полагаю, что моим детям пора отправляться в постель.

Я вслед за сыном и племянницей прошу поцелуя. Даёт его она и мне, причём весьма страстно, её губы кажется не желают оставить мои, а её руки сжимают меня в очень любящем объятии.

— Дорогая мама, — говорю я, — я всегда буду нежно любить вас.

— Мой дорогой мальчик, а я уже люблю вас, как если бы вы на самом деле мой сын.

И, обращаясь к сыну и племяннице, говорит:

— Идите в свои спальни, а я провожу Чарльза в его.

Я могу видеть, как она сильно дрожит, и явно рада чем-нибудь занять свои руки, например, переставить подсвечник, уменьшить свет, перевернуть постельное бельё.

— Надеюсь, что вам будет спать здесь хорошо.

И снова возбуждённо и неистово обнимает меня. Я чувствую, что её язык хочет протолкнуться между моими губами. С большим трудом, но мне удаётся устоять. Наконец она оставляет меня, сказав:

— Прежде чем я сама отправлюсь в постель, я позволю себе взглянуть, насколько вам тут удобно.

— С вашей стороны это очень любезно, — отвечаю я. — Но уверяю вас, в этом нет никакой надобности. Я всегда засыпаю в тот же момент, как ложусь.

— Я рада этому, мой дорогой ребёнок, и тем не менее загляну. Вдруг в чужой постели вам трудно будет уснуть.

И опять обнимает меня, неистово прижимая к своей добротной и плотной груди, долго-долго целуя меня. И, наконец, оставляет с глубоким вздохом, пожелав спокойной ночи и закрыв дверь. Итак, она вроде бы удаляется. Я прислушиваюсь к её шагам, и мне кажется, что она резко останавливается. Мало того, я могу слышать, как она мягко крадётся назад, вероятно в надежде понаблюдать за моим раздеванием. Что ж, попусторствуем её любопытству. Я тороплюсь избавиться от своей одежды, но прежде чем надеть одну из ночных рубашек Гарри, которые приготовили для меня на кровати, поднимаю ночной горшок и поворачиваюсь фронтом к ключевому отверстию, совершенно голый, с петухом в руке. Это ещё полупетух, но когда я начинаю ссать, то потрясываю им, поднимаю ему голову, и раз или два потираю, и опять преднамеренно встряхиваю. Затем беру ночную рубашку и, обернувшись к свету, напяливаю её на себя, причём довольно неловко, чтобы дать время хорошенько увидеть мой дрекол в полной стоячке перед моим животом. После этого я задуваю свет и стремительно падаю в кровать.

Я весь внимание и могу слышать глубокий полу-подавленный вздох, а затем удаляющиеся украдкой шаги. Я лежу с открытыми глазами, размышляя относительно того, как мне следует принять её: притвориться ли глубоко спящим и таким образом позволить ей взять всю инициативу, или же прикинуться, что новизна кровати и мысли о её нежной доброте ко мне не дают мне заснуть. (Второй вариант она сама как бы невольно мне, уходя, подсказала). Но всё же я решаю сделать вид, что крепко сплю, главным образом потому, чтобы видеть, что у неё на уме и как она станет выполнять свои замыслы, а также потому, что это позволит мне разыграть изумление человека, захваченного врасплох.

Немного более чем через полчаса после того как всё в доме должно было уйти на покой, я вижу мерцание света в ключевом отверстии и принимаю позу, долженствующую облегчить дело. Я лежу на спине, покрыва частично отброшены с груди, а та рука, что с той стороны, с которой она должна приблизиться, размещена поверх моей головы. Конечно мой петух в полной стоячке, а поскольку стёганое одеяло отброшено, он слегка приподнялся и заставил оттопыриться простынь и лёгкое одеяло. Я закрываю глаза и стараюсь дышать как можно ровнее. Дверь тихонько открывается, и она входит, после чего оборачивается, чтобы закрыть её, а я бросаю взгляд сквозь полуоткрытый глаз и вижу, что на ней только просторный

домашний халат, полы которого, (когда она снова поворачивается ко мне) остаются распахнутыми, так что я могу видеть, что там под ним ничего нет, а только её ночная смена, под коей легко угадывается великолепная грудь, что сразу же заставляет мой дрекол пульсировать и чуть ли не взрываться, так что, когда она направляется в мою сторону, он находится в самой что ни на есть боевой позе. Она останавливается, очевидно поглощенная увиденным.

Затем направляет свет на меня и приглушённым голосом спрашивает:

— Вы не спите?

Разумеется я лишь более глубоко и ровно дышу и лежу с полуоткрытым ртом, словно пребываю в самом что ни на есть первом беспробудном сне. Тогда её внимание обращается на нечто выпячивающееся, и она рискует легко коснуться его; потом, становясь более смелой, по-прежнему осторожно пробует охватить его ладонью поверх покрывал, после чего опять направляет свет мне в лицо, но я не показываю никаких признаков. Тогда она отставляет свечу и, взяв стул, садится рядом с кроватью. И опять пробует заговорить со мной приглушенным голосом. Не обнаружив какого-либо перерыва в моём ровном дыхании, она осторожно и постепенно внедряет свою руку под уже заранее приоткинутае постельное бельё, с большой осторожностью просовывает её к моему дреколу и мягко сжимает его. Мне кажется дрожит не только эта рука, но и всё её тело, и я отчётливо слышу, как убыстрятся и становится короче её дыхание.

Рука её мягко движется вверх от корня к головке. Что ж, моя дорогая, как вам мои габариты? Наверняка очень возбуждают. Вот она дотрагивается до головки, и это вызывает сильный трепет. Она убирает руку и, как я с уверенностью предполагаю, оборачивается взглянуть, не потревожила ли меня. Но сон мой по-прежнему глубок. Она же, кажется, проникается большей уверенностью, ибо теперь в деле уже обе её руки, она явно возомнила, что ситуация благоприятствует ей и счастье благоволит её замыслам. Я могу чувствовать, как она перебирает руками: одну сжатую ладонь кладёт над другой, пока не находит, что головка всё ещё частью выше третьего схватывания. И слышу невольное восклицание:

— Ничего себе! Вот уж...

Её любопытство растёт, и она начинает с предельной предосторожностью потихоньку удалять постельные покрывала, чтобы можно было взглянуть на то, что уже хорошо нащупано. Когда это достигается, она выпрямляется и поднимает свечу, снова направив её свет мне в глаза, после чего наклоняется к моему дреколу. Будучи уверенным, что она сейчас уж слишком занята, чтобы поднять свои глаза к моим, я наполовину приоткрываю их и созерцаю её, близко пригнувшуюся к столь привлекательному объекту. И опять слышу восклицание, на сей раз довольно громкое:

— Поразительно! Разве можно было вообразить такую вещь, да ещё в таком невинном мальчике? Ах! Вот бы отведать её... Да — отведать! Почему бы и нет? Я должна...

И сжимает его сильнее, чем прежде. Затем, выпрямившись, ставит свечу в подсвечник и убирает его к подножью кровати, после чего берёт мой дрекол в обе руки и начинает мягко потирать его вверх-вниз и, ещё раз наклонившись, нежно целует орех. Это заставляет его пульсировать уж совсем яростно, и мне становится ясно — настало время сделать вид, что я просыпаюсь.

Да и сама она тут же отнимает свои руки и выпрямляется, хотя и слишком возбуждённая, чтобы подумать о необходимости накрыть меня. Я открываю глаза, стараясь выразить

величайшее удивление, но узнав её, произношу:

— Ах! это — вы, дорогая мама? А я видел вас во сне, и это был такой приятный сон! Ах, поцелуйте же меня!

И будто бы не соображаю, что вся моя особа обнажена.

Она наклоняется и нежно целует меня, говоря:

— Мой дорогой, дорогой мальчик! Я пришла, чтобы посмотреть, удобно ли вам, и нашла вас лежащим раскрытым и с этой необычной вещью, вот так торчащей.

И хватается за неё левой рукой, поскольку продолжает, целуя меня, находится в склонённом положении. И я тут же решаю повторить игру, которая столь успешно прошла с моей тётей.

— Моя дорогая мама, я не должен был и сметь говорить с вами об этом, но она действительно причиняет мне много боли, когда становится твёрдой и начинает сильно беспокоить, едва прикоснёшься к ней, вот так, как вы сейчас. Не знаю, что и делать... Она вызывает у меня слишком необычные чувства, особенно, если её даже чуточку сдавишь. Вот так, как вы только что сделали... Дорогая мама, могли бы вы сказать мне, как вылечиться от этого? И я буду так нежно любить вас!

Тут она опять наклоняется и целует меня, причём с явным наслаждением, на сей раз протолкнув свой язык мне в рот. Пососав его, я говорю:

— Это было словно конфета.

Но мой дрекол становится совершенно возмутительным, и я спрашиваю её:

— Скажите же мне, что я мог бы сделать, чтобы уменьшить его?

Она долго и пристально смотрит на меня, краснея и бледнея по очереди.

— Что ж, мой дорогой мальчик, я могла бы помочь вам, но это — тайна, которую я едва смею доверять кому-либо, тем более такому юному человеку.

— О! Мне вы можете доверять, моя дорогая мама! Узнайте же, насколько мне приличествует называться молодым человеком, ведь мужчины должны уметь держать тайны, иначе их будут презирать. Да и кроме того, столь дорогая и любящая мама, как вы... Разве одна только мысль о вас с особой силой не заставит меня держать в секрете что-либо, вами мне доверенное на любых условиях?

— Пожалуй, я доверюсь вам, моему дорогому мальчику. Но вы сразу же увидите из того, что я сделаю, насколько я жертвую собой, чтобы сделать вам добро.

Сказав это, она скидывает с себя одежду и прыгает на кровать рядом со мной.

— О! как это мило, дорогая мам! — говорю я, открывая ей свои объятия и любовно целуя её.

— Почувствуйте же, сколь туга она, и скажите мне сразу же, как мне ослабить её.

— Ладно, моё дорогое дитя, мы, женщины, сотворены, чтобы сбивать чопорность, подобную этой; мы обладаем ножнами, чтобы вставить туда её, и там она постепенно смягчается.

— О! где — где? дражайшая мама, скажите же мне!

Она берёт мою руку и кладёт к себе на влагалище, уже довольно влажное от возбуждения, в коем она пребывает.

— Там, нащупайте-ка их. Разве вы не находите отверстия?

— О, да! Но как я вставлю туда?... Разве это не причинит вам боли?

— Может, ибо это вещь у вас чересчур уж огромная. Однако, попробуем. Я покажу.

Она переворачивается на спину, раздвигает ноги и велит:

— Залезайте на меня и поместите свои ноги меж моими. После чего берётся за мой необузданный хуй и, протерев его головкой вверх и вниз по губам, чтобы увлажнить его,

говорит:

— Пихните-ка это вниз. Но тихонько, а то действительно будет больно.

Чтобы роль новичка выглядела безупречной, я пихаю хоть и тихонько, но нарочито неловко. И вскоре вставляю по самый гульфик.

— Ох! Ох! — произносит она, когда дело доходит до черенка, после чего закидывает свои руки вокруг моей талии, а ноги мне на поясицу и просит:

— А теперь подвигайте своим животиком назад и вперед, всё время проталкивая её внутрь как можно дальше.

Всего три или четыре толчка, и я кончаю от большого возбуждения, в коем пребывал. Она также замирает, сильно вздыхая и конвульсируя.

Я озабочен тем, чтобы выкрикнуть:

— О! моя дорогая мама — о! остановитесь! Я умираю — я — я — сде — сде — лал...

Её конвульсивные внутренние надавливания настолько восхитительны, что быстро поднимают мой дрекол. Она также вроде бы кончила и приклеивает свои губы к моим — предоставляя мне пососать свой собственный язык, для того чтобы попросить взамен мой.

— О! Каким же небесным радостям, моя дорогая мама, я вам обязан! И твёрдость вы действительно уменьшили. Но вот только чувствуете — он опять становится тугим! И вы должны снова ослабить его. Ну, ещё разик!

— Мой любимый мальчик! Я всегда буду готова сделать это! Но, повторяю, это должно быть самой священной тайной между нами. Или я никогда не в состоянии буду сделать это снова. Вы можете справедливо предположить, что мои протесты были весьма решительными. Мама объявляет:

— Вы весьма способный ученик.

Ещё бы! Четыре раза извергаются ливни моей спермы в её вспененное и пламеннее влагалище. Наконец она настаивает:

— Всё, всё! Извлекайте-ка свою штуку! Иначе вы повредите своё здоровье, и подобная радость вам больше не будет доступна.

Что ж, я ретируюсь, и мы лежим рядом, любовно обняв друг друга. Теперь наступает моя очередь высказать пожелание:

— А можно увидеть то замечательное место, которое ввергло меня в райские экстазы?

— Ха, вот какой любопытный ребёнок! — отвечает она. — Но чего не сделаешь ради любезного сыночка!

Она садится и начинает стаскивать с себя рубашку, заставив и меня сделать то же самое:

— Я то же не прочь повосхищаться ничем не прикрытыми красотами твоей фигуры.

Мы встаём, и она поворачивается в разные стороны, чтобы я мог увидеть редкие красоты ее особы — сама разъясняя мне их значение:

— Вот, видишь, это грудь.

— Как она неправоподобно хороша!

Не будучи столь большой, как у тёти, эта грудь выделялась белизной и устойчивостью, с такими розовыми сосками, большими чем у девицы и сильно торчащими, словно приглашающими пососать.

— Великолепно! — хвалю я.

— Вот ягодицы.

— А живот, живот! Дайте взглянуть на него ещё раз! Какой белый и гладкий!

— Да, и без морщины, хотя у меня есть сын.

— А причём тут Гарри?

— Я же вынашивала его в животе, пока не родила, и живот вздулся, а после родов живот опал и должны были появиться складки. Но, как ты можешь убедиться, их нет.

— Это редкий случай?

— Это редкий случай, что мама с ребёнком о таких вещах говорит!

В моём восхищении её действительно превосходной фигурой нет никакого притворства, но выражаю я это таким наивным и невинным способом, что вызываю у неё смех. Смеётся она от всего сердца, укрепляясь в мысли, что она первая голая женщина, которую я вижу, не говоря уже о том, что она стала первой, которую я познал, первой, кто научил меня... И представляю, какое огромное чувственное удовольствие получала она в размышлении, что взяла мою девственность и была первой, кто начал посвящать меня в захватывающие тайны любви. Конечно, я делаю всё, что можно, чтобы продолжить обман, которому она так рада.

— А теперь взгляни на то место, куда ты вкладывал свою затвердевшую вещь. Оно так и называется — влагалище. Сейчас я позволю тебе осмотреть его поближе.

И улёгшись на спину, раздвигает ноги. И первое, что мне бросается в глаза, так это её клитор. Я уже слышал о нём от Гарри со слов Элен. Он и на самом деле очаровательно развит, но приблизительно в половину длины мисс Фрэнклэнд и не так уж толст. Поскольку я, ощупывая её влагалище, просовываю пальцы, чтобы открыть его, она становится возбуждённой, и Мастер Клиторис скидывает свою головку и появляется из своего уголка в полной стоячке.

Я выражаю большое удивление:

— Ха! Что я нашёл! У вас также есть маленькая закорючка! Собственная!

Это ребяческое выражение я использую преднамеренно.

— Можно мне поиграть с нею? О!... Я должен поцеловать её!

И начинаю сосать. Она становится ужасно непристойной, и схватившись за снова вставший дрекол, тащит меня на себя и вводит ещё раз мое основное оружие. На сей раз наша захватывающая ебля отличается большей неторопливостью, и заключительный кризис наступает не скоро.

Мисс Дейл оказывается женщиной очень горячих страстей, и длительное скрытое уединение, в коем она пребывала, воздерживаясь от связей с нашим полом, когда-то прерванных, теперь, когда шлюзы открылись, поток её похотливых страстей беспрепятственно вылился наружу. Так что ещё дважды мы снова ебёмся, прежде чем я ретируюсь.

Потом, после того как мы разжимаем свои объятия, она говорит:

— Благодарю тебя за экстазы, в которые ты меня погружал. Но мне надо встать для естественных надобностей. Советую и тебе сделать то же самое. А затем мы оба омоемся холодной водой, чтобы восстановить наши нервы.

Она моет меня, а я её.

— А теперь я хотела бы в свою очередь как следует повосхищаться тем шедевром природы, коим обладаешь ты. А ну-ка, ложитесь на спину!

От наблюдения и ощупывания она скоро переходит к сосанию. Он вскакивает моментально. Продолжая разыгрывать невежду, я спрашиваю:

— А нельзя ли нам обоим одновременно насладиться этим удовольствием?

— О, да, мой дорогой мальчик. Я несказанно рада, что тебе это нравится! Продолжай лежать

на спине, а я сейчас повернусь к тебе задом и пока буду сосать твоё сокровище, — такое огромное, что его головка едва может поместиться у меня во рту, — ты то же самое можешь делать, если тебе понравится, с моей меткой.

— Так вы это называете, дорогая мама?

— Это — одно название, и у него есть многие другие. Вы, мужчины, вообще называете это влагалищем, поскольку мы называем ваше уколом. В общем, тебе следует уже знать их обычные названия. А то, как малое дитя, поди, называешь их Фэнни и Болваном.

— Укол и влагалище — ого! Постараюсь не забыть. Так позвольте же мне пососать это прелестное влагалище?

Мы гамаюшируем друг друга, жадно глотаем двойной результат наших действий и продолжаем наши обоюдные ласки, пока снова не наполняемся энергией и внушительным желанием более основательных удовольствий.

— Мой дорогой мальчик! Ты — столь способный и превосходный ученик, что я должна показать тебе, что есть ещё несколько способов смягчить чопорность этого дорогого парня, который кажется так и жаждет, чтобы его лишали его твёрдости. Я покажу тебе, как моему мужу нравилось лучше всего наслаждаться мной.

Она приподнимается на своих коленях и, выставив свою прекраснейшую задницу, говорит мне:

— Встань на колени сзади и дай мне в руку свой укол. Видишь, я просунула её между своими бёдрами?

И когда я выполняю эту команду, она продолжает давать мне указания:

— Может быть, тебе покажется, что так дальше, но на самом-то деле, всё равно.

После того, как всё это — вплоть до бёдер и ягодиц — подвергается осмотру, она говорит:

— Можешь потрогать щёки моего зада... Что-то я не слышу похвал.

— Они просто роскошны!

— Значит, ты восхищён? Что ж, эта похвала очень возбуждает. Кстати, называются они ягодицами.

Конечно я громко восхищаюсь не только их размерами и чистотой, но также и красивыми вьющимися шёлковыми петлями, которые сбегают между ними и накрывают розовое, очаровательно сморщившееся заднепроходное отверстие и поднимаются выше по прилегающей части спины. И всё это трогаю руками.

— Что ж, пожалуй, ты достаточно возбудил меня, — объявляет она. — Теперь, прошу тебя, наклонись вперёд и, просунув под меня руки, возьми в ладони моих малышей

— Чего-чего?

— Так мы, женщины, называем выступы на нашей груди, соски.

— Соски?

— Да, потому что младенцы сосут из них материнское молоко. Разве тебе никогда не приходилось видеть вымя у коровы?

— Приходилось. Но я не соотносил это с женской грудью.

— А теперь вот соотноси. Неплохо бы их помять, помять и погладить... Вот так!

— Приятно?

— Ещё как! Но чтобы должным образом возбудить меня, одну руку отними и поиграй ею с клитором.

Я делаю всё это более-менее сносно, но с нарочитой неловкостью.

— Вот так?

— Так, так, — одобряет она. — Вскоре ты достигнешь совершенства.

И мы опять гоним два круга, прежде чем она падает вперёд, а я, поскольку не вышел из неё, вынужден последовать за нею. Правда, потом мы разделяемся, и, повернувшись на бок, но всё ещё переплетённые, впадаем в глубокую дремоту, из которой нас пробуждает дневной свет.

Миссис Дейл выпрыгивает из кровати и вытаскивает оттуда меня.

— Боюсь, что мы уже здорово проспали. А ведь меня ждут дела по дому и хозяйству.

Я же пытаюсь с трудом убедить её уменьшить ещё раз твёрдость, которая снова схватила меня:

— Видите? Потрогайте меня!

— Нет, мой дорогой мальчик, нам нельзя терять благоразумия, моя племянница, возможно, проснулась и встревожена моим отсутствием. Вдруг она поднимется, чтобы поискать меня? Так что до свидания, мой любимый! Вздремни ещё.

Она нежно обнимает меня, но не позволяет мне взять над ней верх и пойти далее, хотя и обещает:

— Я поищу возможность в течение дня, а уж в следующую ночь дам тебе столько, сколько тебе будет угодно.

И оставляет меня, а я раздумываю над удачным шансом, который кинул в мои объятия столь желательную и прекрасную женщину, ну и также поздравляю себя с хитростью, позволившей мне полностью убедить её в том, что она стала моей первой наставницей в искусстве любви, — обстоятельство, неизменно дорого стоящее, если иметь в виду пылкое воображения милого пола. И снова засыпаю, задаваясь вопросом, что тем временем Гарри сумел сделать со своей кузиной?

Поднимаюсь я ради удовлетворения естественных потребностей. И не успеваю это сделать, как входит миссис Дейл.

— Я уже несколько раз заглядывала к тебе, но ты сладко спал, — заявляет она.

— Почему же вы не разбудили меня?

— Разве может себе позволить твоя дорогая мама потревожить тебя?

Мне хватает минуты, от силы две, чтобы устремиться к ней, нежно обнять её, запереть (на задвижку) дверь, и заставить её, не совсем против её желания, подойти к кровати и просить её лечь на живот с краю и завернуть свои юбки.

Сам я становлюсь на колени и сзади гамаюширую ей влагалище, пока она не просит меня:

— Поднимись и выеби меня!

— Что-что?

— То, что делал уже ночью. Неужели не хочешь снова ослабить твёрдость своей вещи? Вон она какая! Ничего себе, затычка! Только смочи её своей слюной. У тебя её во рту, я чувствую, полно.

Я выполняю эту просьбу и направляю свой хуй в её влагалище, и ввожу настолько, насколько позволяют её ягодицы. Должным образом поместив свой дрекол в ножны, я делаю паузу. На мгновение, чтобы погладить и похвалить её прелести:

— Как же красивы эти полушария!

— Какие полушария? Ты имеешь в виду ягодицы? Уже забыл, чему я тебя учила?

— Вовсе нет!

— А вот про пузыри запомнил!

— Про какие пузыри?

— Ну соски, пузыри — это одно и то же.

— Никак нет, и про клитор помню!

Наклоняясь, я одной рукой впиваюсь в её пузыри, а другой тру-тру ей клитор.

Изголодавшийся благодаря длительному отдыху и освежающему сну, я быстро проскакиваю первый круг, но не более быстро чем похотливая природа моей дорогой мамы, которая присоединяется ко мне в обильной разгрузке с восторженно радостными восклицаниями и восхитительнейшими внутренними надавлениями.

Да, делаю вывод я, в любовных сражениях она прекрасный и опытнейший боец, достойный сравнения с моей великолепной тётёй и любимой мисс Френкленд. Её изящные внутренние засоски почти не дают моему наладившемуся вроде бы хую расслабиться, и через минуту-другую, я возобновляю свои движения.

— Ты опять? — пытается вырваться она, приходя в чувства.

Но прежде чем она сознаёт, где она и что с ней, я преуспеваю в разжигании её горячей и похотливой природы, и она становится столь же жаждущей проскакать ещё один круг, как и я.

Этот естественно оказывается более длинным, чем первый. На сей раз я не наклонён, а нахожусь вертикально на своих коленях, с предельным наслаждением наблюдая за необычно активной резвостью её чресл и изящно извивающейся задницы. И громко нахваливаю её:

— Какие восхитительные манёвры!

И максимально вторю им, пока, предельно возбуждая нас, наши движения не убыстряются и не становятся неистовыми. Я наклоняюсь во второй раз над ней и тру-тру ей клитор. И заключительный кризис схватывает нас с такой радостной мукой, что я почти без чувств сваливаю её на спину. Какое-то короткое время мы лежим, забыв обо всём, пока миссис Дейл не напоминает:

— Есть риск, есть опасность, что нас раскроют. Прошу тебя: вынь и позволь мне уйти отсюда.

Она приподнимается, оборачивается и бросается в мои объятия, в длительном любовном поцелуе приклеив свои губы к моим. После чего, наклонившись, дарит восхитительный поцелуй моему теперь висящему дреколу, поигрывая языком вокруг рта уретры и даже в нём самом. Это настолько сладостно, что восхищенный член немедленно свидетельствует, как он оценивает удовольствия, вскочив с полного размаха.

Шлёпнув по нему, мама говорит:

— Он был самым очаровательным и восхитительным мальчиком, который не знал, как вести себя.

Снова поцеловав меня, она убегает прочь, причём с явным сожалением. Открыв дверь и обернувшись, она говорит:

— Мой сын был столь же ленив, как и ты. Завтрак ждёт вас обоих.

Я быстро заканчиваю свой туалет и нахожу их всех за столом для завтрака. Эллен сильно краснеет, когда видит меня. Переглянувшись с Гарри, я убеждаюсь, что он преуспел и что Эллен знает, чем она обязана мне. Вот почему, значит, она и заалела, увидев меня. Я улыбаюсь и киваю ей понимающе, а поскольку она заметила пытливые взгляды, коими мы с Гарри обменялись, то и не берёт в голову о чём-либо беспокоиться. Мама, конечно, ничего не ведаёт о том, что произошло в её постели, пока она была со мной, и всю компанию уделяет своим нежным вниманием, не скрывая в то же время особо подчёркнутого внимания ко мне.

Наш завтрак заканчивается поздно, так что нам следовало поторопиться в церковь. Мама везёт Эллен в маленьком фаэтоне, запряжённом пони, в то время как Гарри и я выбираем короткую дорогу через поля.